

МИШЕЛЬ МИН
СТЕРЛИНГ

ЛАГЕРЬ
“ЗЕРО”

Перевод
Ксении Гусаковой

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

МИФ

ГЛАВА 1

РОЗА

Цветы получают новые имена в самый короткий день года. Шесть женщин. Все незнакомки. Они стоят на пустой парковке и ждут заселения. Снег выбелил округу, облепил крышу обветшалого торгового центра, одного из немногих зданий, все еще стоящих на этом обледенелом участке шоссе.

Последняя в очереди останавливается, вдыхает холодный воздух. На севере холоднее, чем она ожидала, а снег — нежнее. Она снимает перчатку и смотрит, как снежинка тает на ладони. Цветок никогда не видела снега, и снежинка освежает кожу, словно прохладная ткань на разгоряченном лбу.

Когда она добирается до входа в торговый центр, ее новая Мадам представляется как Юдифь. Она совсем не похожа на предыдущую, которая разгуливала в льняной тунике и сандалиях из телячьей кожи. Юдифь одета в парку на меху, черные зимние штаны и ботинки со стальными носками, будто ее наняли снести этот полуразрушенный торговый центр.

— Ты будешь Роза, — зачитывает Мадам с планшета.

— Роза, — повторяет Цветок.

Приторное, сентиментальное имя. Как бабуля, которая хранит в морозилке яблочные пироги. А она-то ждала, что ей дадут псевдоним в духе азиаток из «Петли», где она раньше работала: Нефрит, Мэй, Лотос. Неважно, что эти имена избиты или что она наполовину белая, наполовину кореянка. Тогда в Плавучем городе этническая принадлежность считалась готовым брендом.

Юдифь понижает голос:

— Я хотела дать вам, девчонкам, возможность самим выбрать себе имена. Но Мейер любит делать все по-своему.

— Мейер — мой клиент? — спрашивает Роза, стараясь сохранить небрежный тон.

— Ему не нравится, когда мы используем это слово. Считай его компаньоном. — Юдифь распахивает дверь, и Роза проходит внутрь. — Добро пожаловать в торговый центр «Миллениум».

Комнаты Цветов находятся в его задней части, в универмаге, который давным-давно разграблен. Металлические вешалки для одежды свалены беспорядочными грудями, зеркала покрыты пятнами. Роза катит чемодан мимо парфюмерной витрины — там все еще висит реклама с изображением сияющего женского лица, которое прижимается к щетинистой щеке модели-мужчины, — и ощущает слабый запах искусственной гардении. Мать никогда не пользовалась духами и Розе не позволяла. Она хотела, чтобы их запах оставался естественным, как морской бриз полуострова.

— Когда он закрылся? — спрашивает Роза.

— Пятнадцать лет назад, — отвечает Юдифь. — Как только перестали бурить платформы, его закрыли первым.

Юдифь ведет Розу в бывший мебельный отдел, где вдоль гулкого коридора из фанеры выстроено жилище Цветов. Каждый вход обрамлен светом, из-за дверей доносятся звуки: остальные девушки заняты распаковкой вещей.

Юдифь открывает дверь в комнату, предназначенную для Розы, и кладет ее единственный чемодан на кровать красного дерева с балдахинном. На полу расстелена медвежья шкура, к потолку привинчена хлипкая пластиковая люстра. У стены стоит туалетный столик с зеркалом и небольшим табуретом с мягким сиденьем. В комнате неприятно пахнет сырым кожзаменителем.

Дэмиен, ее бывший клиент, который и устроил Розу на эту работу, предупреждал, что здешний лагерь будет скромным, однако ни словом не обмолвился, что придется ютиться в заброшенном торговом центре. Но уже поздно предъявлять ему претензии. До тех пор, пока задание не будет выполнено, переговорить с ним не удастся. У Розы есть лишь контакт в лагере, который, как обещал Дэмиен, в подходящий момент выйдет на связь. Не Юдифь ли это, гадает Роза, но затем решает, что для подобной аферы женщина с планшетом кажется излишне прямолинейной.

— Вода нагревается до комнатной температуры, — говорит Юдифь и показывает Розе «Санитарный график», прикрепленный к двери спальни. Цветы будут пользоваться общим туалетом, в котором с помощью насадки к крану раковины приделан

импровизированный душ. — Мы держимся благодаря топливу и должны экономить запас.

— Разве топливо не запрещено? — удивляется Роза. В Плавучем городе использование топлива вызывает возмущение у людей не меньше, чем убийства.

— В лагере нет ничего запрещенного, — отвечает Юдифь. — Поэтому мы живем особняком. Нам повезло: мы имеем право сами себе устанавливать правила.

Похожи ли эти правила, гадают Роза, на те, что действуют в Плавучем городе, и работают ли на благо тех, кто их создал. Если так, то вряд ли их диктует Юдифь. Женщина производит впечатление менеджера среднего звена, наемной работницы, которой платят за надзор за Цветами и чье влияние в лагере ограничено внутренним обустройством спален. Но для Розы Юдифь, по сути, начальница, и поэтому придется изображать напускное равнодушие искушенной эскортницы, чтобы новая Мадам ничего не заподозрила. Даже если Юдифь заправляет лишь выделенной Цветам частью лагеря, она все-таки обладает некоей властью, а это уже больше, чем Роза может сказать о себе.

Юдифь требует от Розы выложить содержимое чемодана на покрывало. Роза вываливает его кучей: пара комбинаций, облегающее коктейльное платье, черное шелковое платье, шелковый халатик, льняная пижама, свитер из мериносовой шерсти, две пары брюк, несколько блузок, носки, нижнее белье, чулки со швом, блестящие туфли на каблуках, ботинки из телячьей кожи, резинки для волос и косметика.

Юдифь спокойно и сосредоточенно осматривает каждую вещь.

— Что вы ищете? — спрашивает Роза.

— Острые грани и наркотики. — Юдифь включает на ночном столике лампу с абажуром из черного кружева, освещая стопку книг. — Мы содержим дом в чистоте. Разрешены только выпивка и сигареты.

Юдифь пробегает пальцами по всем швам, роется в косметичке, открывает помады и пудру. Розе вдруг хочется вырвать у женщины из рук свою одежду. Вместо этого она берет из стопки книгу в твердом переплете, «Здание в руинах», с фотографией молодого бородатого мужчины с серьезным выражением лица, помещенной на суперобложке. Рукава его рубашки закатаны до локтей, а сам он стоит на выжженном клочке пустыни, рядом с домом в стиле модерн.

— Непреложный манифест о том, как в истреблении найти проблески надежды, — читает Роза текст на обороте. — Стоит попробовать?

— О, любишь читать? — Похоже, Юдифь удивлена. — Можешь сама узнать. Это первая книга Мейера, опубликованная им сразу после окончания архитектурного. Здесь все его труды. — Юдифь постукивает по другой книге, которая называется «Утопия в антропоцене». — Ему нравится, если среди нас образованные.

На мгновение Розу перестает заботить и запах плесени, и что панель потолка вот-вот обвалится, и даже то, что новая Мадам считает ее, Розу, неграмотной. Здесь лежат книги Мейера — бери и читай. Победа, маленькая, но очень важная. Знание того,

что Мейер думает и чувствует, станет первым шагом к завоеванию его доверия. И от этого зависит все, что пообещал Дэмиен.

— Комната очень... — Роза ищет подходящее слово, — уютная.

Юдифь бросает на нее взгляд и смеется.

— Чушь собачья, сама понимаешь. Здесь смердит дохлой животиной. Но придется смириться. Давай-ка покажу тебе кухню.

Юдифь ведет Розу по темному коридору в помещение, где пахнет свежей краской и промышленным клеем. Оно совсем не похоже на изысканные столовые «Петли», в которых Роза обычно обедала с клиентами. Здешняя кухня выглядит как бывшая комната отдыха для персонала: она оборудована микроволновкой, электрической плитой на две конфорки и маленьким холодильником, гудящим в углу. В другом углу стоят белый пластиковый стол, какой обычно зарастает плесенью на заднем дворе, и стопка садовых стульев.

Кухня лагеря, скорее всего, не имеет винного погреба, зато в ней естественное освещение. Роза подходит к высокому, от пола до потолка, окну и смотрит, как на деревья мягко падает снег. Этот вид будет приютом ее души.

— Снег такой чистый, что хоть ложкой ешь, — замечает Юдифь.

Роза впечатлена. Даже в Плавучем городе воду приходится прогонять через фильтры. Или озонировать? Роза не может вспомнить. Она касается себя за левым ухом, чтобы уточнить ответ, но Юдифь укачивает на стул.

— Я зачитаю короткое заявление, и в случае твоего согласия мне нужно получить устное подтверждение.

Роза усаживается за стол и кивает.

— ...Известная как Роза, согласна ли ты пройти процедуру удаления Флика на три месяца, — Юдифь бросает взгляд на свои цифровые наручные часы, — начиная с тринадцати часов двенадцати минут 21 декабря 2049 года?

Роза знает, что выбора у нее нет.

— Да.

— Можешь ко мне наклониться?

Юдифь расстегивает кожаную сумку и натягивает латексные перчатки.

Роза перекидывает волосы через плечо:

— Будет больно?

— Не больше, чем при установке. — Юдифь собирает волосы Розы в резинку и щупает за левым ухом, пока не находит характерную шишечку. — Ты была среди первых, кому поставили имплант, верно?

— Откуда вы знаете?

— У тебя Флик первого поколения, его легче обнаружить.

Роза получила Флик в пять лет. Пока его установка при рождении не стала обычным делом, каждый ребенок получал его перед тем, как пойти в детский сад. По программе «Один ребенок — один Флик». Местная медсестра просканировала глаза и отпечатки пальцев Розы, затем зафиксировала данные ее лица с помощью флеш-фотографии, следом попросила Розу помахать роботу-имплантатору с улыбочным лицом и жутковатыми немигающими глазами. Тот помахал в ответ, а потом сделал три крошечных

прокола вдоль макушки Розы, переплетая нити электронов через синапсы ее мозга. Когда ей за левым ухом сделали двухмиллиметровый надрез, Роза ощутила нажим и маленькую вспышку боли. После того как робот вставил туда отливающий цветами радуги чип, по щеке Розы скатилась одинокая слезинка.

Юдифь надавливает снова, теперь сильнее.

— Вот ты где. — Она отмечает место ручкой. — Считаю до трех. Как комарик укусит.

Юдифь снимает колпачок с металлического поршня, плотно прижимает его к коже. Роза прикрывает глаза. Сосущий звук, нарастающее давление, а потом отчетливый «чпок».

— Вот и все. — Юдифь убирает Флик в пробирку с помощью пинцета.

— Можно посмотреть? — спрашивает Роза, когда женщина запечатывает пробирку.

Юдифь пожимает плечами, протягивает маленький сосуд:

— Конечно, он же твой.

Роза никогда не видела свой Флик, хотя он пробыл в ее теле целых двадцать лет. Он объемнее применяемых сейчас, размером примерно с ноготь ее мизинца, и почти прозрачный. А когда Роза наклоняет пробирку из стороны в сторону, Флик мерцает и переливается биолюминесцентными цветами: коралловым, зеленым и топазовым.

— Новые ощущения? — интересуется Юдифь.

Роза смотрит в верхний левый угол кухни, моргает: раз, другой, третий — ничего. Канал не отображается. Как будто что-то умерло. Нет, не просто умерло, а вымерло, окончательно и бесповоротно.

Последняя история, которую Роза видела через Флик, была о тигре Самсоне, который умер от теплового удара в Бронкссском зоопарке. Достойный появиться в канале заголовков, ведь речь идет об одном из последних тигров на планете, обычно триггерит бурный поток историй: статья в энциклопедии о тиграх в неволе; старинные кадры, на которых тигрята катаются в грязи; лекция, которую биолог читает о проблемах выращивания крупных кошек в условиях потепления климата; тигровые полоски; тигровое мороженое; плюшевые тигры; люди в тигриных костюмах.

Роза, сосредоточившись, снова думает: «Тигр». Канала все нет.

Вместо этого Роза вспоминает тигра, которого однажды увидела в зоопарке «Франклин-Парк» в Бостоне, когда тот был еще открыт для посещения, а местный тигр — жив. Мама отвела Розу туда отметить ее шестой день рождения, что случалось не часто в их жизни на полуострове. Воспоминание размыто, но если закрыть глаза, то оно становится более отчетливым: мама, непривычно молодая, ест дорогое мороженое, сидя на обжигающе-горячей стальной скамейке. Вот она передает рожок Розе и держит под ее подбородком салфетку, пока та облизывает лакомство. А потом, когда от мороженого не остается ни крошки, она поднимает Розу, чтобы та посмотрела на зверя за решеткой, и между матерью и дочерью расцветает счастье, которое на ее родном языке звучит очень необычно.

«Хоранги», — говорит мать и указывает на тигра.

Роза виснет на ее руках, пытаясь привлечь внимание потрясающего полосатого зверя и повторяя

слово на корейском. Запинается на втором слоге, и щеки начинают гореть от смущения. Тигру плевать на ее плохое произношение. Он сидит совершенно неподвижно, словно застыл в янтаре, лишь моргает, когда муха садится на темную складку глаза.

Пыльная картинка из прошлого, явившаяся из тонкого эфира. Дэмиен предупреждал, что без Флика память может неожиданно преподнести сюрпризы, но Роза не ожидала, что воспоминания будут казаться такими недавними. Она закрывает глаза — мать все еще там, звучит ее смех, который Роза совсем позабыла.

— Не могу открыть канал, — говорит Роза и возвращает Флик Юдифи.

Мадам убирает пробирку в деревянную шкатулку.

— Привыкнешь. Мейер хочет, чтобы Цветы были чисты, не испорчены технологиями.

Роза машинально трогает себя за ухом. Там нет ничего, кроме синей чернильной точки.

В свое первое утро в лагере Цветы собираются на завтрак в кухне, на каблуках, под флуоресцентным светом щеки блестят от пудры, губы сияют блеском. Снаружи пока царит крошечная тьма. Цветы изящно сидят за пластиковым столом, но без Фликов, отвлекающих внимание; пальцы постукивают по столешнице, рассеянно теребят браслеты на запястьях, тонкую золотую нить на шее. Взгляд то и дело по привычке направляется к углам комнаты, но развлекательный канал все не появляется. И девушки продолжают смотреть друг на друга.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

